

В начале 80-х поэт Евгений Бунимович написал стихотворение «Поколение»:

**В пятидесятых — рождены,
в шестидесятых — влюблены,
в семидесятых — болтуны,
в восьмидесятых — не нужны.**

— Наверное, вопрос «Для чего ты подался в Думу?» для тебя не нов?

— Ты еще мягко формулируешь. Все мои друзья и по школе, и из литературно-андеграундной среды теперь постоянно спрашивают: «Ты уже скурвился или пока еще нет?». Вообще-то я туда идти никогда не думал. Это сама жизнь меня поймала, поскольку я всегда занимался какой-то публичной деятельностью. Например, как-то прихожу в сентябре в школу, и завуч предлагает мне преподавать этику и психологию семейной жизни. Как это так? А она открывает журнал «Юность» и показывает мою статью, которая начиналась так: «Советская школа самая романтическая в мире. Откуда берутся деньги, откуда берутся дети — мы избегаем этих вопросов».

Здесь было примерно то же самое. Позвонили из «Яблока» и сослались на мои публикации в «Новой газете» о недостатках нашего образования и о путях его улучшения. Я пытался ответить. «Как вы собираетесь дальше писать об этом, если откажетесь от возможности самому что-то делать?» — заявили «яблочники» совершенно справедливо. И я согласился при их поддержке баллотироваться в Думу.

— Баллотироваться — это еще не значит победить. Чем ты «взял» избирателей?

— Вначале я пошел на выборы, может, и не совсем всерьез, отчасти из журналистского любопытства. Но потом втянулся, особенно на последней неделе, когда выяснил, что против меня играют не только большие деньги, но и большие чиновники. В многотиражных газетах, как ты знаешь, были напечатаны некие «Списки Лужкова», в которых меня, естественно, не было. Лужков эти списки не подтвердил, но кто-то ведь их придумал. И я решил, что не позволю, чтобы меня обыграли таким номенклатурным способом.

— И что ты сделал?

— А у меня была веселая избирательная компания. Мне недавно позвонила одна имиджмейкерская команда и сказала, что поскольку моя избирательная компания не имеет precedентов в России, то они хотят ее описать. Мне помогли в основном непрофессионалы — мои выпускники да и ученики, их приятели, а по-нашему дворовая шпана. Поэтом имиджмейкеры назвали мою команду «Бейкер-стрит», которая переиграла «Скотланд-ярд» — очень большие и дорогие команды профессионалов.

— Что делала шпана?

— Что и все остальные мои помощники. Перед выборами надо много чего делать. Тинейджеры вообще куда более добросовестны, чем многим кажется. Профессиональные команды, которые нанимают другие кандидаты, действуют рационально: берут пачку плакатов, выбрасывают ее в урну и приходят получать деньги за проделанную работу. А ребятам было весело и интересно. У молодых вообще очень хорошие головы. Сейчас в школе вводят предмет «Граждановедение». И я считаю, что ребята получили прекрасный урок по этой дисциплине: поняли, что на выборах можно играть открыто и честно и победить.

— Только ли из-за команды ты победил?

— Надеюсь, что не только. Я верил,

Евгений Бунимович:

*Век Москва.
1998-22-28 янв.
с. 12*

Мне пока не предлагали ни бензоколонок, ни банков

**Ах, драг нах остен, драг нах остен,
хотят ли русские войны,
не мы ли будем в девяностых
Отчизны верные сыны...**

Стихотворение оказалось пророческим: совсем недавно автора избрали в московскую Думу, что повергло столичную поэтическую братию в изумление. При всем при том Бунимович проявляет недюжинную активность еще и на педагогической ниве — он заслуженный учитель России, преподает математику в экспериментальной гимназии «Дорогомилово» Российской академии образования, пишет учебники и является членом всяческих математических союзов. И еще ведет рубрику в «Новой газете». Судя по тому, что мы расположились для общения за столом, уставленным конфетами, тортами, кексами, печеньем, грильяжем и халвой, я подумал: «До чего же сладкая жизнь у депутатов!».

что москвичи гораздо умнее и независимее, чем те, кто хотел купить их за халявные конфеты. Так и вышло.

— Есть ли у тебя в Думе специализация?

— Пока еще портфели не поделили. Но мы уже написали о тех направлениях, которые предполагаем координировать. Надеюсь, что буду заниматься тем, чем, собственно, всегда и занимался: образованием, культурой и искусством.

— Будешь ли ты на своем культурном посту бороться с Церетели?

— Я достаточно интенсивно боролся в газете на начальном этапе его бурной деятельности. Но когда увидел, как одна мафия борется с другой, то вышел из игры. Слишком хорошие наклейки, слишком дорогие публикации... Дорогостоящие акции протеста тоже вызывают подозрения.

К тому же Москва не Питер. Она никогда в жизни не строилась регулярно и грамотно, в ней никогда не было гармоничных ансамблей. Например, очень дорогое для меня место — Патриаршие пруды — окружают здания очень сомнительных архитектурных достоинств. Здесь царит эклектика и пошлый сталинский стиль. И все это составляет гармонию Патриарших прудов, которой не может быть ни в одном правильном городе мира. Поэтому я уже привык к этому чудовищному Петру, можешь считать это капитуляцией. Это несусветное произведение совершенно адекватно выражает наше время, наш город, наше безумное представление о красоте и русской истории.

Я буду бороться не с Зурабом Константиновичем Церетели, а с китчем, ко-

торый время от времени выходит в том числе и из его мастерской. Если же он завтра решит пожертвовать на московское образование левую руку от какой-нибудь своей скульптуры, продав которую можно будет год платить учителям, то я это буду только приветствовать.

— Как ты относишься к тому, что народ смотрит на депутатов с большим подозрением? Дескать, все хапуги.

— Нормально отношусь. Глас народа — глас Божий. Может, нет дыма без огня. Много соблазнов.

— Каких?

— У меня их пока много не было, поэтому я мало чего знаю. Скажем, я получил огромное количество телеграмм и поздравлений и с выбором меня депутатом, и просто с Новым годом. Получил от самых разных структур, на встречу которым я, скажем так, мог бы сделать шаг. Пока могу высказать лишь косвенные соображения. Депутатская зарплата, хоть больше, чем в школе, но не такая уж и большая. Но на выборах была такая давка, и люди готовы были поменять гораздо большие зарплаты на депутатское место. К тому же мы все знаем массу всевозможных историй, связанных с депутатами. Все-таки в Москве таких скандалов меньше, чем в Госдуме. Но если вокруг коррупция, то у меня возникает естественный вопрос: то ли я такой козел, что со мной никто не хочет иметь дела, то ли все это сильно преувеличено. Мне пока не предлагали ни бензоколонок, ни банков, ни телеграфов. Ведь у нас не так уж и много депутатов, могли бы что-нибудь и посулить.

— Что тебе нравится и не нравится в московской Думе?

— Мне нравится корректность, гораздо большая, чем в Госдуме. Нравится достоинство в поведении депутатов. Не нравится, что многим депутатам нравятся то, что московская Дума имеет имидж монолитности. Я против монолитности. Это очень опасно. В конце концов выбрали не одного депутата, а 35 для того, чтобы они были столь же разнообразны, как и Москва. У москвичей очень разные интересы. Если мы будем монолитны, то не будем иметь точек соприкосновения с реальной жизнью.

— Ты пришел заниматься культурой и образованием. Но, наверное, подавляющее большинство законов не имеют к твоим занятиям ни малейшего отношения. Не скучно?

— Ничуть. Например, на следующем заседании мы будем принимать закон о содержании в Москве диких животных. Это ли не экзотика? Вот я прочитал, что Алене Свиридовой подарили маленького тигра. Моя жена считает, что это надо запретить, поскольку соседям страшно. Свиридова считает, что у нее замечательный тигренок. Что должна сделать Дума? Законодательно урегулировать эти два общественных эгоизма.

— Есть ли антагонизм между московской Думой и правительством?

— Я московское правительство видел пока только раз — на приеме в Кремле. И там никакого антагонизма не существовало. Все ели и пили одно и то же. И даже плясали. Не вместе, но рядом. Ну а за время работы пока было лишь одно вето мэра на некоторые наши поправки к закону. Но назвать это антагонизмом нельзя.

— Что ты думаешь о введении телефонных счетчиков?

— Чудовищно вводить их сейчас, когда у людей нет денег. Взять и отрезать у стариков последнюю связь с миром — это преступно. Все прекрасно знали, что по этому поводу будут возмущаться пенсионеры. Но никто не предполагал, что наша аполитичная молодежь — интернетчики — выйдет на улицы и начнет организовываться в комитеты протеста. Это уже гражданское действие. Как известно, вся французская студенческая революция началась с того, что молодым людям не разрешали ночью оставаться в общежитиях у девочек. И все закончилось отставкой национального героя де Голля, изменением конституции и системы образования. В Москве революция никак не нужна, а вот внятная позиция молодежи необходима.

— Конституция — это, конечно, хорошо. А что у тебя сейчас на литературном фронте?

— Как раз посреди выборов выступил на знаменитом международном поэтическом биеннале в Париже.

— Каковы ощущения?

— Все как обычно. Ты же сам знаешь — пили много. А в промежутках собиравшись, чтобы почитать и послушать друг друга. Самое интересное выступление было в женской тюрьме, довольно суровой. Там отбывают большие сроки — от десяти лет и больше. Хоть внешне это и выглядит как какой-нибудь трехзвездочный отель. Слушали очень внимательно, видимо, им очень не хватает общения. И задавали много вопросов по стихам, что меня поразило. А потом пошли самые разнообразные житейские вопросы. Спросили, например, где я ем? Думаю, ну что людям, которые едят баланду, пусть и французскую, ответить? Сказал честно, что завтракаю в гостинице, а днем хожу в кафе. И вдруг они стали давать кучу советов: куда ходить и что где есть и сколько это стоит. Это был театр абсурда. С другой стороны — естественное желание изолированных людей хоть как-то включиться в нормальную жизнь.

— Много ли пишешь?

— Мало. У меня больше публикаций, чем новых стихов. Возможно, вся моя бурная деятельность — это попытка оправдаться, дескать, я так занят, что нет времени для стихов. Попытка покрыть флером драматическую ситуацию, когда не пишется. Мандельштам говорил, что поэт — это не человек без профессии, а человек, преодолевший профессию. У меня такое ощущение, что я не до конца преодолел. Хотя в русской поэзии есть и другая традиция. Гаврила Романович Державин, который был одним из самых блистательных губернаторов за все годы нашей истории. Федор Иванович Тютчев, который писал стихи на заседаниях. А теперь вот я заседаю. Не знаю, посмотрим...

— Допускаешь ли ты возможность, что через год законотворчество тебе надоест, и ты выпрыгнешь из думского поезда на полном ходу?

— Не думаю. Мне интересно. Да и неловко это — ведь я же что-то обещал людям. Я же не настолько политик, чтобы наплевать на свои обещания.

Беседовал Владимир ТУЧКОВ
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА